

ответствует «по закону»), да судеши ближнему твоему» слова «по правде» были объяснены: «и разумом и душою».⁴³

Церковь была заинтересована в принципе «божьего суда» не только как носитель религиозно-феодальной идеологии, но прежде всего как обладатель судебного-феодальных иммунитетов. Не случайно правовые нововведения в Судебниках 1497 и 1550 г. сопровождались ограничением судебно-феодальных прав церкви. В литературе правильно отмечается, что еще в начале XV в. церковь выступала против судебного поединка — «поля», как это, например, сделал в послании в Новгород, к архиепископу Иоанну митрополит Фотий в 1410 г. Но это следует рассматривать не столько как отступление от самого принципа «божьего суда», сколько как отказ от одной из его конкретных форм, пережившей себя уже к началу XV в. Архиепископ Иоани, по-видимому, внял посланию Фотия. Во всяком случае в обращении к своим подопечным, написанном вскоре после 1410 г., он вообще не упоминает о «поле» как форме «божьего суда», но вводит «жеребий»: «Поп служит святую литургию, и пишет имя божие на хлебци, и дасть всем приходящим ко имени божию. А хто изъязьт хлебца со именем божиим, тот прав бывает; а хто не снесть хлебца, тот по божию суду виноват будеть. А хто не поидеть к хлебцю, тот без божиа суда и без мирьскаго виноват будеть».⁴⁴ Своеобразная жеребьевка, в которой можно вынуть хлебца (просфору) с именем божьим и тем самым выиграть тяжбу, отличалась от варварской формы «божьего суда», каковой было «поле», но при этом ничего не менялось в самом принципе.

Крестное целование в качестве способа судебного доказательства родственно формам «суда божьего». И недаром в царских вопросах Стоглавomu собору крестное целование поставлено за одни скобки с «полем» и, что не менее знаменательно, с колдовством: «Да в нашем царствии християния тяжутся неправдою и поклепав крест целуют или образ святых, и на поле бьются и кровь проливают, и в те поры волхвы и чародеи от бесовских научений пособие творят кудесбою... И на те чарования надеяся поклепца и ябедник не мирится, и крест целуют, и на поле бьются и поклепав убивают».⁴⁵

Иван IV отдавал себе отчет в колдовском характере различных форм «божьего суда», но волхвы и кудесники были здесь ни при чем. Руководя процедурами «божьего суда», духовенство само выступало в роли отменных волхвов и чародеев, как например показывает указ вышеупомянутого новгородского архиепископа Иоанна «о проскурьмисании святым трем исповедникам: Гурию, Самону и Авиву» (после 1410 г.).

Приводя тяжущихся на «жеребий», духовенство должно было произносить следующую молитву: «Молите, святии божиин исповедници, Гурие, Самоне и Авиве дьяконе; якоже есте милосердием божиимъ възвратили девицю в град свой Едес, тако и ныне святии трии исповедници, Гурие, Самоне и Авиво, и Авидане, и Аврааме, и Афений, чюдо свое сътворите, виноватых обличите, гортани шкодникомъ затворите.

Исаче, свяжи и; Иакове, и пути их загради и на все стороны темны сотвори, да будут пути их ползки, и ангель Господень погоняяй».⁴⁶ Публикатор указа архиепископа Иоанна А. С. Павлов замечает: «Молитва эта напоминает старинные заговоры».⁴⁷ Он совершенно прав.

⁴³ ГБЛ, собр. Румянцев, № 27, л. 226 об.

⁴⁴ РИБ, т. VI, СПб., 1908, столб. 305—306.

⁴⁵ Стоглав. СПб., 1863, стр. 136.

⁴⁶ РИБ, т. VI, столб. 307—308.

⁴⁷ Там же, столб. 308